

Дед Яша совсем сторбился. Его коренастая фигура неестественно низко клонилась к земле, а ноги и вовсе отказывались ходить. С трудом мог дотащиться от крыльца старого дома, где давно не открывались окна, до калитки. А возвращался уже чуть не ползком. Он кряхтел, безуспешно пытаясь в который раз отпереть эту калитку, заслоняющую от него мир, когда-то такой близкий и горячо любимый. Время тихо-тихо, по крупинке, а делает своё дело...

– Я ведь в нашем районе самым красивым парнем был, – смеялся дед Яша, рассказывая каждому, кто вступал с ним в душевную беседу, о своей счастливой молодости. – Не верите? Все девчонки гурьбой бегали... ага... Я ж нефтяник. А смелым каким был!.. Вот, помню, на буровой случилась авария...

И лилась нескончаемым потоком череда жизненных историй... Это было любимым занятием старика. И те, кто хорошо знал Якова Ильича, предусмотрительно обходили его стороной. А он всё ждал, с кем бы поделиться своими воспоминаниями – единственным счастьем, которое у него осталось. Ан нет – был ещё добротный гараж, в котором

бережно хранились различные коробочки, жестяные баночки, ящички для мелочей, ещё помнивших трудолюбивые руки хозяина. Но окончательно заржавевший навесной замок уже не ждал милости от хозяина – он привык неподвижно висеть в прочно затянутых петлях.

Прогулка до калитки стала для 80-летнего старика необходимой как вода, как кусок хлеба. Он проделывал этот путь, ощущая под ложечкой скулящую тоску, которая просилась наружу, но что с ней делать, дед Яша не знал, беспомощно и по-детски тёр пальцами высокий с залысынами лоб, испытывая непонятное смущение. Словно ему было неловко оттого, что никому не интересно слушать одно и то же. Но он всё продолжал стоять у калитки, терпеливо ожидая, не пройдёт ли кто мимо, наивно подёргивал неподатливую ручку и пытался вспомнить, что же он накрутил в замке...

По разбитой дороге проезжала редкая машина; вечно лаял соседский пёс – старый, шельма, дурной и пристающий; Сашка Куприянов, сын покойницы Вальки, жившей когда-то в доме напротив, приезжал каждые выходные и разбирал отчий дом по кирпичику, чтобы начать строиться на свой лад... Дед Яша думал, что сам бы он никогда не разрушил родительское гнездо. Но потом вдруг сердце его сжималось, и он, глядя на собственный дом, вспоминал, что много лет назад тут стояла мазанка – приземистая, душная. Отец после войны отсидел своё в лагерях, вернулся чужой и озлобленный, равнодушный ко всему. Выклянчил у матери деньги, какие-то тряпки и, не повидавшись с детьми, сгинул навсегда. Мать, измученная болезнью и вконец уставшая от жизни, умерла в сорок лет.

Яков Ильич силился представить лицо матери, но не мог. Злясь на себя, по привычке тёр лоб натруженной ладонью, и досадливо кричал.

Сегодня с утра было пасмурно. Яков Ильич стоял у калитки. Улица была пустая. Откуда-то послышалась музыка. Пластинка заезженная, но мелодию различить мож-

но. Старая песня, словно из какой-то далёкой сказки. Слова так знакомы!

Старик опять сосредоточился на замке. Он вытащил из кармана маленький гвоздь и попытался справиться с замочной скважиной, но пальцы не слушались, живя какой-то своей, отдельной, жизнью. Сколько десятилетий они верно служили ему, работая по дереву, ловко закручивая бесчисленные болты и гайки, – а теперь им тяжело управиться даже с чайной ложкой...

Если вдуматься, то чуть ли не каждая вещь, когда-то приобретённая хозяином, существовала совершенно самостоятельно: старела, ветшала за ненадобностью и тихо доживала свой век. В доме пахло старостью, сыростью и одиночеством... В платяном шкафу бесцельно тускнели оставшиеся ещё от матери никому не нужные пёстрые ткани. Сиротливо поскрипывали прогнившие половицы...

Яков Ильич с трудом воротился в дом. В дальней комнате болезненно кряхтела его жена – Галина Ивановна, маленькая сухая старушка с вечно испуганными, возбуждённо бегающими глазами. Иногда он по привычке называл её «мать», но давным-давно не испытывал к ней никаких чувств. Не поймешь её, старую... Всё теперь пугало её, казалось враждебным, и она просилась куда-то домой. Невнятно бормотала, перебирая засаленные кусочки тряпочек или пожелтевшие фотокарточки. Чьи это лица?.. Галина Ивановна заставляла свою изношенную память, слабую и мечущуюся, вспомнить молодое, красивое лицо с фотокарточки.

– Павлуша... – вдруг тихонько всхлипнула она.

– Ты чего там, мать? – встрепенулся дед Яша.

– Вот, Павлуша у меня есть – сынок... Один у меня он остался. Никого не знаю больше.

– Да уж... Теперя один, Галина Ивановна... Да ты не поминай – расстройства тебе будут.

– Какие расстройства... – замахала она рукой.

Дед Яша замолчал. Пожёвывая жёсткий ус, задумчиво глядел в угол. Он силился, но не мог вспомнить, когда они с женой были в последний раз на могиле двух старших сыновей, и корил себя за старческую немощь.

– Он далеко сейчас... Павлуша-то.

– Да как жеть? С неделю назад был туточки. Ааа, это он, щенок, замок-то в калитке своротил, – спохватился старик и стукнул себя по лбу.

– Кто? – переспросила Галина Ивановна.

– Да Пашка твой! Кто!

– Пашка?

– Ай, мать, совсем ты сбрендила!

Глаза Галины Ивановны затуманились...

– Вы не знаете, – вдруг перевела она тему, – где я? Мне на Захарова надо. Мама там у меня. Там склад... на складе матрацы – я их пересчитаю, всем под роспись выдам. Так надо... Так положено... Это какое место?

Яков Ильич скривился, покраснел, в бессилии зажав рукой рот.

– А вы кто? Хозяин, что ли?

– Да, – уже спокойно ответил старик. – Живу тут. И ты живи – тебя никто не гонит.

Галина Ивановна нахмурилась – снова пыталась что-то вспомнить.

– Я двор подметать пойду, – робко сказала она, отводя виновато впалые бесцветные глаза с воспалёнными веками. – Я в шкаф недавно заглянула... Без спросу... Там платья красивые висят, юбки, косынки. Даже новые, с этикетками. Но это чужое всё. Я брать не смею.

– А ты бери, носи на здоровье! Хочешь, сейчас перемеряешь всё? – оживился дед Яша.

– Робею... Не моё – нельзя... Мамка меня заругает. Ой, – вскрикнула неожиданно Галина Ивановна, – Ой! Мамочки!..

На одну секунду вернулась к ней память: мать-то она давно похоронила. Старушка зажмурилась, помотала головой:

– На складе матрацы... Я под роспись раздам... Порядок такой. Я никогда чужого не возьму...

«Это правда, – подумал Яков Ильич. – Чужого ты, мать, никогда не брала. По совести жила... да только за что ж ты весь свой век лишней себя считала? Перед кем только совестилась?».

... Иной раз соседки змеями шипели промеж собой, что, мол, уцепилась Галина Ивановна за Якова Ильича, как за соломинку – и держалась за него весь свой жалкий век. А куда ей, человеку маленькому, дёргаться? Куда возвращаться, как отцу на глаза показаться? Да и трое пацанов...

– Для них всё, – твердила Галина Ивановна. – Для детей! И крутишься, и вертишься, и дом, и земля – это ж и есть жизнь. И всё в сердце радуюсь я! Когда плакать, когда горевать, если на сон три часа отмеряно, а ребятёе накормить нужно, одеть, носы подтереть? Уроки я, правда, с ними не делаю... сыновья нынче учёней меня. А я-то... я считаю вот хорошо, арифметику, стало быть, знаю... А книг не читаю. Некогда мне книги читать. Слова там мудрёные. Вот Павлуша – тот грамотный, книги покупает, даже читает иногда. Говорит, что в них фи-ло-со-фи-я! А у меня философия в детях моих, в земле, в грядке капустной да вон в яблоньке той. Гляжу – радуюсь: невестушка писаная, надела фату – красуется...

– Ой! – вскрикнула снова Галина Ивановна.

– Чего опять? – откликнулся Яков Ильич.

– Показалось... Бочина справа кольнула. Но то ерунда.

– Горемычная ты баба... Хошь, я тебе напомним, сколько ты раз в больнице была?

Старушка промолчала, глядя на него с недоверием, словно не узнавая.

– Тьфу! – озлобился дед. – Три! Три всего!

– Чего три?

– Ай, чёрт! – выругался Яков Ильич. – Да в больнице ты три раза всего за жизнь была! Когда пацанов рожала! Три! – и выставил дрожащие пальцы.

– Так у меня же не болит ничего, зачем мне в больницу? Я лучше двор подмету, а?

Старушка не смела обременять родных своих ни болезнями, ни усталостью, ни щемящей тоской. Когда все домашние засыпали, она шла в баню и долго плакала в одиночестве, закрыв рот изношенной косынкой, которую она снимала только перед сном – стеснялась седых поредевших волос. Она видела своё отражение в таком же старом, как она, потемневшем зеркале и жалела, и ненавидела, и бранила себя за то, что ещё живёт на свете...

– Метёшь? – спросил Яков Ильич у жены, приковыляв на крыльцо.

– Мету! У, какой тут суровый хозяин живёт... Боюсь...

– Неужто? – притворно удивился дед.

– Вот дometу и пойдy домой. Мне на Захарова надо!

Яков Ильич с тоской поглядел на неё, не зная, что ответить, но потом спохватился:

– Ну-ка, Галина Ивановна, пойдём-ка я тебе таблетку дам! Ты, поди, не принимала с утра-то?

– Так я ж не болею! Вот они все, таблетки-то, – она оттопырила на авось пришитый карман рубахи. – Вот она, отравато.

Маленькие шайбочки белели на дне грязного кармана. Старушка выгребла их заскорузлыми короткими пальчиками и сложила на ладошку.

– Не знаю, откуда они тут... – будто ребёнок, удивилась она.

Чуть не носом в ладонь уткнулась, разглядывая замусоленные таблетки – снова непостижимая для неё задача: откуда, зачем и почему?

– Ах ты ж, бабье отродье! – выругался старик. – Ты отчего это лекарства не принимаешь? А ну считай, сколько там таблеток? Живо! Сколько?

– Так я не умею. Только матрацы научилась считать, что со склада выдаю. Но там по упаковкам – всё понятно. Каждому по одному. Это я умею. А тут много – не справлюсь!

– Ах ты! – Яков Ильич в сердцах замахнулся костылём и стукнул Галину Ивановну по высохшей, похожей на веточку, руке.

Белые шайбочки разлетелись в разные стороны. А старик, потеряв равновесие, рухнул с невысокого узкого крыльца.

– Ой! – Галина Ивановна, болезненно скривив лицо, схватилась за руку, покрасневшую от удара. – Я сейчас... сейчас...

Как тяжёл и неподъёмен оказался для её истощённого тела этот груз! Не зная, как подступиться к старику, она неуклюже и испуганно обходила его то с одной стороны, то с другой. Ясно было одно – самостоятельно подняться на ноги Яков Ильич не сможет.

– Иди, на помощь позови, Галина! – обессиленно попросил он.

– Я ж не знаю тут никого. Дом не мой, робею.

– Живо иди, мать! Встану – огрею тебя ещё!

– Я до калитки схожу.

Сгорбившись, старушка поспешила к воротам. Достала из кармана большую булавку и принялась ковырять ею в замочной скважине. Удивляясь почему замок не поддаётся, она подняла обломок кирпича и ударила им несколько раз по ручке. Видя, что калитка не открывается, она несмело крикнула в пустоту:

– Эй, кто-нибудь!..

Никто не отозвался. Не решившись на большее, она вернулась к мужу, легла рядом и обняла его, пытаясь согреть.

– Вот и хорошо, тепло... Одно беспокоит: как мне на Захарова попасть? Дом у меня там, мамка. Склад с матрацами...

Яков Ильич ничего не ответил. Он тихо плакал, закрыв лицо непослушными ладонями. Тоска, безнадёга... Через какое-то время Галина Ивановна всё-таки поднялась. Она ходила по кругу и напряжённо думала о чём-то. Потом пошла в дом и вынесла старое тонкое одеяло, свернутое в несколько раз.

– Чего ты удумала, мать? – не веря в то, что ему оказывают осмысленную помощь, спросил дед Яша.

– А вот я сейчас вас, мужчина, немного в спину толкну, погодите...

Старушка села на нижнюю ступеньку крыльца и оперлась спиной о верхнюю, а ногами – в спину мужа. Ценой невероятных усилий ей удалось немного сдвинуть его и подложить валик из одеяла ему под бок. Поразмыслив, она снова ушла в дом и вынесла какие-то тряпки и подушку.

– А это зачем? – пробурчал дед Яша.

– Так надо. Сейчас помогу вам и уйду. Мне на Захарова надо. Вы тоже бегите, мил человек... Хозяин тут злой....

Немыслимым образом Галина Ивановна подпёрла тело старика так, что ему удалось привстать, потом, подкладывая тряпок всё больше и больше, она привела его в сидячее положение.

– Ой, так ведь это же платья! – конфузливо заметила она, глядя на тряпки. – Чужие, видать, новые, с этикетками. Я чужого не беру никогда. Можно ли? Что люди скажут? О-о-ой... Стыдно...

– Знаешь что? – нашёлся дед Яша. – Мне велели тебе эти платья подарить. Твои они теперь, поняла, золотая ты моя?

Галина Ивановна, непонимающе глядя на мужа, судорожно вздохнула.

– Вот и ладно... Теперь, слушай, мать... Ты пойдёшь, ещё людей позови, – он умолк, видя её испуганные глаза, а потом добавил: – Может, они тебя на Захарова проведут?

– Да, на Захарова! – обрадовалась старушка.

– Вот, иди, иди. Позови людей.

Напряженно вслушиваясь в звучащий вдалеке слабенький голосок, зовущий на помощь, Яков Ильич устало прикрыл глаза. Перед ним неотвязчиво маячило красное пятно на вспухшей руке жены – след от его удара. Раскаяние глухо шевельнулось в груди. И мысли, мысли... Вот человек, женщина, доживает, а лучше сказать – домучивает свой век. Ну, чем не муха? – прихлопнет её жизнь без всякого сожаления, и никто никогда не вспомнит ни заслуг, ни имени, ни черт лица. Да и что вспоминать-то? – всё человеческое, близкое, тёплое давно стёрлось, растерялось... Исполдбья взглянул старик на небо. Господи, для чего было это всё?.. Это жалкое существование, этот постоянный стыд, страх, стеснение, боязнь оказаться лишним ртом. Кусочек хлеба, чашка холодного чая – всегда с оглядкой, на ходу, будто украдено. А как же тяжкий труд в доме и на земле, забота о семье, иссушающая тревога за детей... В чем же тогда смысл?.. Как можно обрести уверенность в своей необходимости на этой земле, которая равнодушно вращается миллионы лет? Как укрепиться в вере, в любви?.. Как не быть лишним?..

«Не смела ты, Галина Ивановна, – мысленно обратился к жене Яков Ильич, – сетовать на жизнь. Сама выбор сделала – живи с тем, что есть. Никакой философии тебя, маленького человека, никто не учил. Бабе – бабье житие, и всё тут – вот твои извечные слова... Гос-по-диии...».

Яков Ильич слышал, как Галина Ивановна слабеньким голосом звала от калитки людей...